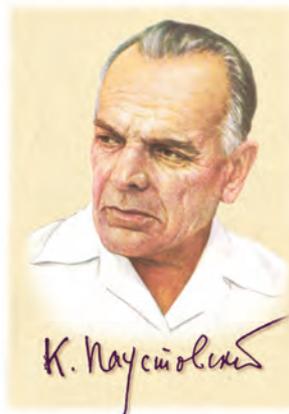

Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ

1892—1968

Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хоть немного зоркости.

К. Г. Паустовский

УЧИТЕЛЬ

Константин Георгиевич Паустовский не знает и не может знать всех своих учеников, их по стране не тысячи — миллионы. В любом городе, в любой деревне... — всюду можно встретить горячих поклонников Паустовского.

Он учил улавливать ясную праздничность природы, заставлял верить, что мир, окружающий тебя, столь же прекрасен, как прекрасны живущие в нём люди, чистые душой, чуждые злобы и зависти...

Он говорил, что на свете нет ничего более важного и значительного, чем человеческое достоинство, и нет ничего более преступного, как быть слепым и глухим к нему. Преступно не помнить, что любой и каждый, кто бы он ни был, способен так же страдать, как ты сам...

В. Ф. Тендряков

Паустовский родился в Москве, но большую часть своего детства провёл в Украине. Чтобы закончить гимназию в Киеве, будущему писателю пришлось подрабатывать репетитором, так как платить за учёбу было нечем. Учился сначала в Киевском университете, а затем перевёлся

в Московский. В Первую мировую войну на фронте два старших брата писателя погибли в один день, хотя служили в разных местах. Сам Паустовский служил в полевом санитарном отряде на территории Беларуси. В годы Великой Отечественной войны работал редактором ТАСС.

За свою жизнь написал десятки произведений: рассказы, повести, пьесы. В 1955 году выдвигался на Нобелевскую премию в области литературы.

1. Какие ценности К. Г. Паустовский стремился передать читателям через свои произведения?
2. Почему Тендряков назвал писателя Паустовского учителем? Можно ли было использовать в этом слове заглавную букву?

ТЕЛЕГРАММА

Октябрь был на редкость холодный, ненастный. Тесовые¹ крыши почернели.

Спутанная трава в саду полегла, и всё доцветал и никак не мог доцвести и осыпаться один только маленький подсолнечник у забора.

Над лугами тащились из-за реки, цеплялись за облетевшие вётлы² рыхлые тучи. Из них назойливо сыпался дождь.

По дорогам уже нельзя было ни пройти, ни проехать, и пастухи перестали гонять в луга стадо.

Пастуший рожок затих до весны. Катерине Петровне стало ещё труднее вставать по утрам и видеть всё то же: комнаты, где застоялся горький запах нетопленных печей, пыльный «Вестник Европы»³, пожелтевшие чашки на столе, давно не чищенный самовар и картины на стенах. Может быть, в комнатах было слишком сумрачно, а в глазах Катерины Петровны уже появилась тёмная вода⁴, или, может быть, картины потускнели

¹ Тесóвый — сделанный из тонких досок.

² Ветлá — вид ивы.

³ «Вéстник Еврóпы» — журнал, выходивший в 1866—1918 годах.

⁴ Тёмная водá (разг.) — слепота.

от времени, но на них ничего нельзя было разобрать. Катерина Петровна только по памяти знала, что вот эта — портрет её отца, а вот эта — маленькая, в золотой раме, — подарок Крамского¹, эскиз к его «Неизвестной».

Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном её отцом — известным художником.

В старости художник вернулся из Петербурга в своё родное село, жил на покое и занимался садом. Писать он уже не мог: дрожала рука да и зрение ослабло, часто болели глаза.

Дом был, как говорила Катерина Петровна, «мемориальный». Он находился под охраной областного музея. Но что будет с этим домом, когда умрёт она, последняя его обитательница, Катерина Петровна не знала.

А в селе — называлось оно Заборье — не было никого, с кем бы можно было поговорить о картинах, о петербургской жизни, о том лете, когда Катерина Петровна жила с отцом в Париже и видела похороны Виктора Гюго².

Не расскажешь же об этом Манюшке, дочери соседа, колхозного сапожника, — девчонке, прибегавшей каждый день, чтобы принести воды из колодца, подмести полы, поставить самовар.

Катерина Петровна дарила Манюшке за услуги сморщенные перчатки, страусовые перья, стеклярусную³ чёрную шляпу.

— На что это мне? — хрипло спрашивала Манюшка и шмыгала носом. — Тряпичница⁴ я, что ли?

— А ты продай, милая, — шептала Катерина Петровна. Вот уже год, как она ослабела и не могла говорить громко. — Ты продай.

¹ Крамской И. Н. (1837—1887) — русский художник.

² Виктор Мари́ Гюго́ (1802—1885) — французский писатель, автор романов «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные», «Человек, который смеётся» и др.

³ *Стеклярус* — маленькие стеклянные трубочки, нанизываемые на нитку. Служат для украшения.

⁴ *Тряпичница* — 1) от *тряпичник* — скупщик, собиратель тряпья; скупой, мелочный человек; 2) женщина, увлекающаяся нарядами.

— Сдам в утиль¹, — решала Манюшка, забирала всё и уходила.

Изредка заходил сторож при пожарном сарае — Тихон — тощий, рыжий. Он ещё помнил, как отец Катерины Петровны приезжал из Петербурга, строил дом, заводил усадьбу.

Тихон был тогда мальчишкой, но почтение к старому художнику сберёг на всю жизнь. Глядя на его картины, он громко вздыхал:

— Работа натуральная!

Тихон хлопотал часто без толку, от жалости, но всё же помогал по хозяйству: рубил в саду засохшие деревья, пилил их, колол на дрова. И каждый раз, уходя, останавливался в дверях и спрашивал:

— Не слышно, Катерина Петровна, Настя пишет чего или нет?

Катерина Петровна молчала, сидя на диване — сгорбленная, маленькая, — и всё перебирала какие-то бумажки в рыжем кожаном ридикюле². Тихон долго сморкался, топтался у порога.

— Ну, что ж, — говорил он, не дождавшись ответа. — Я, пожалуй, пойду, Катерина Петровна.

— Иди, Тиша, — шептала Катерина Петровна. — Иди, бог с тобой!

Он выходил, осторожно прикрыв дверь, а Катерина Петровна начинала тихонько плакать. Ветер свистел за окнами в голых ветвях, сбивал последние листья. Керосиновый ночник вздрагивал на столе. Он был, казалось, единственным живым существом в покинутом доме, — без этого слабого огня Катерина Петровна и не знала бы, как дожить до утра.

Ночи были уже длинные, тяжёлые, как бессонница. Рассвет всё больше медлил, всё запаздывал и нехотя сочился в немытые окна, где между рам ещё с прошлого года лежали поверх ваты когда-то жёлтые осенние, а теперь истлевшие и чёрные листья.

¹ Утиль — вещи, непригодные к употреблению.

² Ридикюль (устар.) — ручная женская сумочка.

Настя, дочь Катерины Петровны и единственный родной человек, жила далеко, в Ленинграде¹. Последний раз она приезжала три года назад.

Катерина Петровна знала, что Насте теперь не до неё, старухи. У них, у молодых, свои дела, свои непонятные интересы, своё счастье. Лучше не мешать. Поэтому Катерина Петровна очень редко писала Насте, но думала о ней все дни, сидя на краешке продавленного дивана так тихо, что мышь, обманутая тишиной, выбегала из-за печки, становилась на задние лапки и долго, поводя носом, нюхала застоявшийся воздух.

Писем от Насти тоже не было, но раз в два-три месяца весёлый молодой почтарь Василий приносил Катерине Петровне перевод на двести рублей. Он осторожно придерживал Катерину Петровну за руку, когда она расписывалась, чтобы не расписалась там, где не надо.

Василий уходил, а Катерина Петровна сидела, растерянная, с деньгами в руках. Потом она надевала очки и перечитывала несколько слов на почтовом переводе. Слова были все одни и те же: столько дел, что нет времени не то что приехать, а даже написать настоящее письмо.

Катерина Петровна осторожно перебирала пухлые бумажки. От старости она забывала, что деньги эти вовсе не те, какие были в руках у Насти, и ей казалось, что от денег пахнет Настинными духами.

Как-то в конце октября, ночью, кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада.

Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала голову тёплым платком, надела старый салоп², впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно, ощупью. От холодного воздуха разболелась голова. Позабытые звёзды пронзительно смотрели на землю. Палые листья мешали идти.

Около калитки Катерина Петровна тихо спросила:

— Кто стучит?

---

¹ *Ленинград* — название города Санкт-Петербурга в 1924—1991 годах.

² *Салоп* (устар.) — широкое женское пальто.

Но за забором никто не ответил.

— Должно быть, почудилось, — сказала Катерина Петровна и побрела назад.

Она задохнулась, остановилась у старого дерева, взялась рукой за холодную, мокрую ветку и узнала: это был клён. Его она посадила давно, ещё девушкой-хохотушкой, а сейчас он стоял облетевший, озябший, ему некуда было уйти от этой бесприютной, ветреной ночи.

Катерина Петровна пожалела клён, потрогала шершавый ствол, побрела в дом и в ту же ночь написала Насте письмо.

«Ненаглядная моя, — писала Катерина Петровна. — Зимы эту я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, поддержать твои руки. Стара я стала и слаба до того, что тяжело мне не то что ходить, а даже сидеть и лежать, — смерть забыла ко мне дорогу. Сад сохнет — совсем уж не тот, — да я его и не вижу. Нынче осень плохая. Так тяжело; вся жизнь, кажется, не была такая длинная, как одна эта осень».

Манюшка, шмыгая носом, отнесла это письмо на почту, долго засовывала его в почтовый ящик и заглядывала внутрь — что там? Но внутри ничего не было видно — одна жестяная пустота.

Настя работала секретарём в Союзе художников. Работы было много. Устройство выставок, конкурсов — всё это проходило через её руки.

Письмо от Катерины Петровны Настя получила на службе. Она спрятала его в сумочку, не читая, — решила прочесть после работы. Письма Катерины Петровны вызывали у Насти вздох облегчения: раз мать пишет — значит, жива. Но вместе с тем от них начиналось глухое беспокойство, будто каждое письмо было безмолвным укором.

После работы Насте надо было пойти в мастерскую молодого скульптора Тимофеева, посмотреть, как он живёт, чтобы доложить об этом правлению Союза. Тимофеев жаловался на холод в мастерской и вообще на то, что его затирают¹ и не дают развернуться.

¹ *Затирáть* — умышленно мешать кому-то продвинуться по службе.

На одной из площадок Настя достала зеркальце, напудрилась и усмехнулась, — сейчас она нравилась самой себе. Художники звали её Сольвейг¹ за русые волосы и большие холодные глаза.

Открыл сам Тимофеев — маленький, решительный, злой. Он был в пальто. Шею он замотал огромным шарфом, а на его ногах Настя заметила дамские фетровые² боты.

— Не раздевайтесь, — буркнул Тимофеев. — А то замёрзнете. Прошу!

Он провёл Настю по тёмному коридору, поднялся вверх на несколько ступеней и открыл узкую дверь в мастерскую.

Из мастерской пахло чадом³. На полу около бочки с мокрой глиной горела керосинка⁴. На станках стояли скульптуры, закрытые сырыми тряпками. За широким окном косо летел снег, заносил туманом Неву, таял в её тёмной воде. Ветер пошвыстывал в рамах и шевелил на полу старые газеты.

— Боже мой, какой холод! — сказала Настя, и ей показалось, что в мастерской ещё холоднее от белых мраморных барельефов⁵, в беспорядке развешанных по стенам.

— Вот, полюбуйтесь! — сказал Тимофеев, пододвигая Насте испачканное глиной кресло. — Непонятно, как я ещё не издох в этой берлоге. А у Першина в мастерской от калориферов⁶ дует теплом, как из Сахары.

— Вы не любите Першина? — осторожно спросила Настя.

— Выскочка! — сердито сказал Тимофеев. — Ремесленник! У его фигур не плечи, а вешалки для пальто. Его колхозница — каменная баба в подоткнутом фартуке. Его рабочий похож

---

¹ *Сольвейг* — героиня драмы «Пер Гюнт» норвежского писателя Г. Ибсена. Олицетворение поэтичности, красоты.

² *Фетровый* — сделанный из *фэтра* — плотного валяного материала из высококачественных сортов шерсти.

³ *Чад* — удушливый дым от нагоревшего угля.

⁴ *Керосинка* — подобие плиты, бытовой прибор, служащий для приготовления пищи на открытом огне (поджигали фитиль, смоченный в керосине).

⁵ *Барельеф* — выпуклое скульптурное изображение на плоской поверхности.

⁶ *Калорифер* — прибор для отопления помещения нагретым воздухом.

на неандертальского человека. Лепит деревянной лопатой. А хитёр, милая моя, хитёр, как кардинал!

— Покажите мне вашего Гоголя, — попросила Настя, чтобы переменить разговор.

— Перейдите! — угрюмо приказал скульптор. — Да нет, не туда! Вон в тот угол. Так!

Он снял с одной из фигур мокрые тряпки, придирчиво осмотрел её со всех сторон, присел на корточки около керосинки, грея руки, и сказал:

— Ну вот он, Николай Васильевич! Теперь прошу!

Настя вздрогнула. Насмешливо, зная её насквозь, смотрел на неё остроносый сутулый человек. Настя видела, как на его виске бьётся тонкая склеротическая жилка.

«А письмо-то в сумочке нераспечатанное, — казалось, говорили сверлящие гоголевские глаза. — Эх ты, сорока!»

— Ну что? — спросил Тимофеев. — Серьёзный дядя, да?

— Замечательно! — с трудом ответила Настя. — Это действительно превосходно.

Тимофеев горько засмеялся.

— Превосходно, — повторил он. — Все говорят: превосходно. И Першин, и Матьяш, и всякие знатоки из всяких комитетов. А толку что? Здесь — превосходно, а там, где решается моя судьба как скульптора, там тот же Першин только неопределённо хмыкнет — и готово. А Першин хмыкнул — значит, конец!.. Ночи не спишь! — крикнул Тимофеев и забегал по мастерской, топая ботами. — Ревматизм в руках от мокрой глины. Три года читаешь каждое слово о Гоголе. Свиные рыла снятся!

Тимофеев поднял со стола груду книг, потряс ими в воздухе и с силой швырнул обратно. Со стола полетела гипсовая пыль.

— Это всё о Гоголе! — сказал он и вдруг успокоился. — Что? Я, кажется, вас напугал? Простите, милая, но, ей-богу, я готов драться.

— Ну что ж, будем драться вместе, — сказала Настя и встала.

Тимофеев крепко пожал ей руку, и она ушла с твёрдым решением вырвать во что бы то ни стало этого талантливое человека из безвестности.

Настя вернулась в Союз художников, прошла к председателю и долго говорила с ним, горячилась, доказывала, что нужно сейчас же устроить выставку работ Тимофеева. Председатель постукивал карандашом по столу, что-то долго прикидывал и в конце концов согласился. Настя вернулась домой, в свою старинную комнату на Мойке, с лепным золочёным потолком, и только там прочла письмо Катерины Петровны.

— Куда там сейчас ехать! — сказала она и встала. — Разве отсюда вырвешься!

Она подумала о переполненных поездах, пересадке на узкоколейку¹, тряской телеге, засохшем саде, неизбежных материнских слезах, о тягучей, ничем не скрашенной скуке сельских дней, — и положила письмо в ящик письменного стола.

Две недели Настя возилась с устройством выставки Тимофеева.

Несколько раз за это время она ссорилась и мирилась с неуживчивым скульптором. Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, будто обрекал их на уничтожение.

— Ни черта у вас не получится, дорогая моя, — со злорадством говорил он Насте, будто она устраивала не его, а свою выставку. — Зря я только трачу время, честное слово.

Настя сначала приходила в отчаяние и обижалась, пока не поняла, что все эти капризы от уязвлённой гордости, что они наигранны и в глубине души Тимофеев очень рад своей будущей выставке.

Выставка открылась вечером. Тимофеев злился и говорил, что нельзя смотреть скульптуру при электричестве.

— Мёртвый свет! — ворчал он. — Убийственная скука! Керосин и то лучше.

---

¹ *Узкоколейка* — вид железных дорог с нестандартной, узкой, колеёй; строились для обслуживания торфоразработок, лесосек, отдельных промышленных предприятий, отдалённых районов в пору их освоения.

— Какой же свет вам нужен, невозможный вы тип? — вспыхнула Настя.

— Свечи нужны! Свечи! — страдальчески закричал Тимофеев. — Как же можно Гоголя ставить под электрическую лампу. Абсурд!

На открытии были скульпторы, художники. Непосвящённый, услышав разговоры скульпторов, не всегда мог бы догадаться, хвалят ли они работы Тимофеева или ругают. Но Тимофеев понимал, что выставка удалась.

Седой вспыхливый художник подошёл к Насте и похлопал её по руке:

— Благодарю. Слышал, что это вы извлекли Тимофеева на свет Божий. Прекрасно сделали. А то у нас, знаете ли, много болтающих о внимании к художнику, о заботе и чуткости, а как дойдёт до дела, так натыкаешься на пустые глаза. Ещё раз благодарю!

Началось обсуждение. Говорили много, хвалили, горячились, и мысль, брошенная старым художником о внимании к человеку, к молодому, незаслуженно забытому скульптору, повторялась в каждой речи.

Тимофеев сидел нахохлившись, рассматривал паркет, но всё же искоса поглядывал на выступающих, не зная, можно ли им верить или пока ещё рано.

В дверях появилась курьерша из Союза — добрая и бестолковая Даша. Она делала Насте какие-то знаки. Настя подошла к ней, и Даша, ухмыляясь, подала ей телеграмму.

Настя вернулась на своё место, незаметно вскрыла телеграмму, прочла и ничего не поняла:

«Катя помирает. Тихон».

«Какая Катя? — растерянно подумала Настя. — Какой Тихон? Должно быть, это не мне».

Она посмотрела на адрес: нет, телеграмма была ей. Тогда только она заметила тонкие печатные буквы на бумажной ленте: «Заборье».

Настя скомкала телеграмму и нахмурилась. Выступал Першин.

— В наши дни, — говорил он, покачиваясь и придерживая очки, — забота о человеке становится той прекрасной реальностью, которая помогает нам расти и работать. Я счастлив отметить в нашей среде, в среде скульпторов и художников, проявление этой заботы. Я говорю о выставке работ товарища Тимофеева. Этой выставкой мы целиком обязаны — да не в обиду будет сказано нашему руководству — одной из рядовых сотрудниц Союза, нашей милой Анастасии Семёновне.

Першин поклонился Насте, и все зааплодировали. Аплодировали долго. Настя смутилась до слёз.

Кто-то тронул её сзади за руку. Это был старый вспльщивый художник.

— Что? — спросил он шёпотом и показал глазами на скомканную в руке Насти телеграмму. — Ничего неприятного?

— Нет, — ответила Настя. — Это так... От одной знакомой...

— Ага! — пробормотал старик и снова стал слушать Першина.

Все смотрели на Першина, но чей-то взгляд, тяжёлый и пронзительный, Настя всё время чувствовала на себе и боялась поднять голову. «Кто бы это мог быть? — подумала она. — Неужели кто-нибудь догадался? Как глупо. Опять расходились нервы».

Она с усилием подняла глаза и тотчас отвела их: Гоголь смотрел на неё, усмехаясь. Насте показалось, что Гоголь тихо сказал сквозь стиснутые зубы: «Эх ты!»

Настя быстро встала, вышла, торопливо оделась внизу и выбежала на улицу.

Валил водянистый снег. На Исаакиевском соборе выступила серая изморозь. Хмурое небо всё ниже опускалось на город, на Настю, на Неву.

«Ненаглядная моя, — вспомнила Настя недавнее письмо. — Ненаглядная!»

Настя села на скамейку в сквере около Адмиралтейства и горько заплакала. Снег таял на лице, смешивался со слезами.

Настя вздрогнула от холода и вдруг поняла, что никто её так не любил, как эта дряхлая, брошенная всеми старушка, там, в скучном Заборье.

«Поздно! Маму я уже не увижу», — сказала она про себя и вспомнила, что за последний год она впервые произнесла это детское милое слово — «мама».

Она вскочила, быстро пошла против снега, хлеставшего в лицо.

«Что ж это, мама? Что? — думала она, ничего не видя. — Мама! Как же это могло так случиться? Ведь никого же у меня в жизни нет. Нет и не будет роднее. Лишь бы успеть, лишь бы она увидела меня, лишь бы простила».

Настя вышла на Невский проспект, к городской станции железных дорог.

Она опоздала. Билетов уже не было.

Настя стояла около кассы, губы у неё дрожали, она не могла говорить, чувствуя, что от первого же сказанного слова она расплачется навзрыд.

Пожилая кассирша в очках выглянула в окошко.

— Что с вами, гражданка? — недовольно спросила она.

— Ничего, — ответила Настя. — У меня мама...

Настя повернулась и быстро пошла к выходу.

— Куда вы? — крикнула кассирша. — Сразу надо было сказать. Подождите минутку.

В тот же вечер Настя уехала. Всю дорогу ей казалось, что «Красная стрела»¹ едва тащится, тогда как поезд стремительно мчался сквозь ночные леса, обдавая их паром и оглашая протяжным предостерегающим криком.

...Тихон пришёл на почту, пошептался с почтарём Василием, взял у него телеграфный бланк, повертел его и долго, вытирая рукавом усы, что-то писал на бланке корявыми буквами. Потом осторожно сложил бланк, засунул в шапку и поплёлся к Катерине Петровне.

Катерина Петровна не вставала уже десятый день. Ничего не болело, но обморочная слабость давила на грудь, на голову, на ноги, и трудно было вздохнуть.

---

¹ «Красная стрела» — первый в СССР фирменный поезд, с 1931 года курсирует между Ленинградом (теперь Санкт-Петербург) и Москвой.

Манюшка шестые сутки не отходила от Катерины Петровны. Ночью она, не раздеваясь, спала на продавленном диване. Иногда Манюшке казалось, что Катерина Петровна уже не дышит. Тогда она начинала испуганно хныкать и звала:

— Бабка? А, бабка? Ты живая?

Катерина Петровна шевелила рукой под одеялом, и Манюшка успокаивалась.

В комнатах с самого утра стояла по углам ноябрьская темнота, но было тепло. Манюшка топила печку. Когда весёлый огонь освещал бревенчатые стены, Катерина Петровна осторожно вздыхала — от огня комната делалась уютной, обжитой, какой она была давным-давно, ещё при Насте. Катерина Петровна закрывала глаза, и из них выкатывалась и скользила по жёлтому виску, запутывалась в седых волосах одна-единственная слезинка.

Пришёл Тихон. Он кашлял, сморкался и, видимо, был взволнован.

— Что, Тиша? — бессильно спросила Катерина Петровна.

— Похолодало, Катерина Петровна! — бодро сказал Тихон и с беспокойством посмотрел на свою шапку. — Снег скоро выпадет. Оно к лучшему. Дорогу морозцем собьёт — значит, и ей будет способнее ехать.

— Кому? — Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло.

— Да кому же другому, как не Настасье Семёновне, — ответил Тихон, криво ухмыляясь, и вытащил из шапки телеграмму. — Кому, как не ей.

Катерина Петровна хотела подняться, но не смогла, снова упала на подушку.

— Вот! — сказал Тихон, осторожно развернул телеграмму и протянул её Катерине Петровне.

Но Катерина Петровна её не взяла, а всё так же умоляюще смотрела на Тихона.

— Прочти, — сказала Манюшка хрипло. — Бабка уже читать не умеет. У неё слабость в глазах.

Тихон испуганно огляделся, поправил ворот, пригладил рыжие редкие волосы и глухим, неуверенным голосом прочёл: «Дождитесь, выехала. Остаюсь всегда любящая дочь ваша Настя».

— Не надо, Тиша! — тихо сказала Катерина Петровна. — Не надо, милый. Бог с тобой. Спасибо тебе за доброе слово, за ласку.

Катерина Петровна с трудом отвернулась к стене, потом как будто уснула.

Тихон сидел в холодной прихожей на лавочке, курил, опустив голову, сплёвывал и вздыхал, пока не вышла Манюшка и не поманила в комнату Катерины Петровны.

Тихон вошёл на цыпочках и всей пятернёй отёр лицо. Катерина Петровна лежала бледная, маленькая, как будто безмятежно уснувшая.

— Не дождалась, — пробормотал Тихон. — Эх, горе её горькое, страданье неписаное! А ты смотри, дура, — сказал он сердито Манюшке, — за добро плати добром, не будь пустельгой¹. Сиди здесь, а я сбегаю в сельсовет, доложу.

Он ушёл, а Манюшка сидела на табурете, подобрав колени, тряслась и смотрела, не отрываясь, на Катерину Петровну.

Хоронили Катерину Петровну на следующий день. Подморозило. Выпал тонкий снежок. День побелел, и небо было сухое, светлое, но серое, будто над головой протянули вымытую, подмёрзшую холстину. Дали за рекой стояли сизые. От них тянуло острым и весёлым запахом снега, схваченной первым морозом ивовой коры.

На похороны собрались старухи и ребята. Гроб на кладбище несли Тихон, Василий и два брата Малявины — старички, будто заросшие чистой паклей². Манюшка с братом Володькой несла крышку гроба и, не мигая, смотрела перед собой.

Кладбище было за селом, над рекой. На нём росли высокие жёлтые от лишаёв вербы.

¹ *Пустельга́* — здесь: пустой, легкомысленный человек.

² *Пакля́* — грубое волокно, отход от первичной обработки льна.

По дороге встрети­лась учительница. Она недавно приехала из областного города и никого ещё в Заборье не знала.

— Учителька идёт, учителька! — зашептали мальчишки.

Учительница была молоденькая, застенчивая, сероглазая, совсем ещё девочка. Она увидела похороны и робко остановилась, испуганно посмотрела на маленькую старушку в гробу. На лицо старушки падали и не таяли колкие снежинки. Там, в областном городе, у учительницы осталась мать — вот такая же маленькая, вечно взволнованная заботами о дочери и такая же совершенно седая.

Учительница постояла и медленно пошла вслед за гробом. Старухи оглядывались на неё, шептались, что вот, мол, тихая какая девушка и ей трудно будет первое время с ребятами — уж очень они в Заборье самостоятельные и озорные.

Учительница наконец решилась и спросила одну из старух, бабу Матрёну:

— Одинокая, должно быть, была эта старушка?

— И-и, мила-ая, — тотчас запела Матрёна, — почитай что совсем одинокая. И такая задушевная была, такая сердечная. Всё, бывало, сидит и сидит у себя на диванчике одна, не с кем ей слова сказать. Такая жалость! Есть у неё в Ленинграде дочка, да, видно, высоко залетела. Так вот и померла без людей, без сродственников¹.

На кладбище гроб поставили около свежей могилы. Старухи кланялись гробу, дотрагивались тёмными руками до земли. Учительница подошла к гробу, наклонилась и поцеловала Катерину Петровну в высохшую жёлтую руку. Потом быстро выпрямилась, отвернулась и пошла к разрушенной кирпичной ограде.

За оградой, в лёгком перепархивающем снегу лежала любимая, чуть печальная, родная земля.

Учительница долго смотрела, слушала, как за её спиной переговаривались старики, как стучала по крышке гроба земля и далеко по дворам кричали разноголосые петухи — предсказывали ясные дни, лёгкие морозы, зимнюю тишину.

¹ Сродственник (прост.) — то же, что родственник.

В Заборье Настя приехала на второй день после похорон. Она застала свежий могильный холм на кладбище — земля на нём смёрзлась комками — и холодную, тёмную комнату Катерины Петровны, из которой, казалось, жизнь ушла давным-давно.

В этой комнате Настя проплакала всю ночь, пока за окнами не засинел мутный и тяжёлый рассвет.

Уехала Настя из Заборья крадучись, стараясь, чтобы её никто не увидел и ни о чём не спрашивал. Ей казалось, что никто, кроме Катерины Петровны, не мог снять с неё непоправимой вины, невыносимой тяжести.

1946

1. Почему описание последних дней Катерины Петровны дано на фоне ненастной поздней осени? Какое настроение вызывает пейзажная зарисовка в начале рассказа? Найдите слова и выражения, передающие это настроение.
2. Как образ маленького подсолнечника у забора связан с состоянием Катерины Петровны? Найдите и выпишите другие образы-символы из мира природы, которые помогают ощутить и понять боль угасания жизни одинокого человека.
3. Сравните описание дома, сада и их хозяйки с изображениями на форзаце 1. Найдите в тексте детали, значимые для характеристики героини. Почему упоминается картина И. Н. Крамского?
4. Составьте письменно план рассказа о жизни Катерины Петровны и её одинокой старости. Подготовьте в соответствии с планом устное сообщение.
5. Почему Настя так долго не навещает мать и не пишет ей? Можно ли назвать Настю жестокой? Зачем Паустовский подробно рассказывает о её ленинградской жизни? Почему добрая и внимательная к другим людям Настя оказалась такой чёрствой по отношению к матери?
6. Паустовский оправдывает или осуждает Настю? Как с помощью антитезы писатель помогает увидеть истинную доброту и человечность людей? Как показано позднее «прозрение» Насти в Ленинграде, её состояние в Заборье? Какую роль играют описания природы в этих сценах?

7. В каких эпизодах, на ваш взгляд, ярче всего раскрывается суть характеров Тихона, Манюшки, молоденькой учительницы? Какова роль каждого из них в раскрытии идеи произведения?
8. Как вы думаете, почему скорбная сцена похорон Екатерины Петровны завершается словами: «За оградой, в лёгком перепархивающем снегу лежала любимая, чуть печальная, родная земля»?
9. К. Г. Паустовский в книге «Золотая роза» (в главе «Зарубки на сердце») рассказал, как была создана «Телеграмма». Найдите и прочитайте этот отрывок, чтобы понять, в чём отличие художественного вымысла от жизненной правды и какими сокровенными мыслями хотел поделиться автор с читателями в своём рассказе.
10. В чём «Телеграмма» К. Г. Паустовского перекликается с рассказом «На Каляды к сыну» Зм. Бядули? Почему оба писателя обращаются к одной теме?

Лирическая проза

Обычно эмоции и чувства автора являются предметом изображения в лирике. В эпических произведениях, к которым относятся рассказ и повесть, основное внимание писатель уделяет сюжету, характеризует героя произведения как бы со стороны. «Телеграмма» К. Г. Паустовского не только рассказывает историю Екатерины Петровны и её дочери, но и показывает авторские чувства, связанные с описанием природы, эмоции, вызванные угасанием человека. Такие произведения, в которых соединяются признаки лирики и эпоса, называют *лирической прозой*.

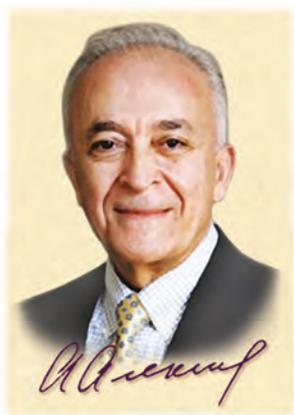
Лирическая проза — особый способ повествования, в котором авторские эмоции и чувства, оценка событий играют не менее важную роль, чем сюжет.

В лирической прозе есть сюжет (это черта эпоса), но явно ощущается эмоциональность, образность, выраженное авторское отношение к описанному случаю (это признаки

лирики). В центре лирической прозы чаще всего оказывается один главный герой, его сложные переживания, их самые тонкие оттенки. Произведение может приобретать определённую музыкальность, ритмичность.

1. Определите, какими признаками лирической прозы обладает рассказ «Телеграмма» К. Г. Паустовского. Запишите их с примерами или необходимыми пояснениями.

Анатолий Георгиевич АЛЕКСИН

1924—2017

Анатолий Алексин всем своим творчеством утверждает: взрослость — понятие не столько возрастное, сколько нравственное, и определяется она прежде всего не датой рождения, указанной в паспорте, а деяниями человека.

Л. А. Кассиль

«О ЛЮДЯХ ЛЕТ ТРИНАДЦАТИ И О КАЖДОМ ИЗ НАС...»

Настоящая фамилия А. Г. Алексина — Гоберман. В качестве литературного псевдонима он взял сценический псевдоним матери-актрисы. Будущий писатель родился в Москве. Школьником печатал стихи в газете «Пионерская правда», позже публиковался в газете «Комсомольская правда». На последних курсах Московского института востоковедения Алексин активно посещал литературные вечера, где можно было представить свои произведения. Однажды у С. Я. Маршака начинающий писатель прочитал свои стихи, но их раскритиковали. Чтобы